

Н.Н. Никандров

Путь к женщине

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н.Н. Никандров
Н11 Путь к женщине / Н.Н. Никандров – М.: Книга по Требованию, 2021. –
130 с.

ISBN 978-5-4241-1366-6

Тематика произведений Н. Никандрова разнообразна: мещанский быт предреволюционной России, психология городской бедноты, жизнь ссыльных, труд морских рыбаков, рассказы о детях.

Произведения Н. Никандрова подкупают высокой поэтичностью, достоверностью и подлинностью жизненных деталей.

ISBN 978-5-4241-1366-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.Н. Никандров, 2021

Николай Никандров

Путь к женщине

Часть первая

I

Через весь зал протянуты два гигантских матерчатых плаката. На одном написано: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" На другом: "Галоши снимать обязательно!"

Зал от края до края заставлен столиками. Ресторан не ресторан, пивная не пивная, с первого взгляда не поймешь что.

Вокруг каждого столика – за стаканами чай, за бутылками пива, перед шахматными-шахматными досками, над раскрытыми журналами, газетами – сидят тесными группами люди самой разнообразной, самой неожиданной внешности.

Частная беседа этих групп время от времени переходит в общий крикливый спор, в котором принимает участие весь зал.

Вот все посетители зала вдруг обращают пышущие удовольствием лица в одну сторону, неистово аплодируют, стучат в пол ногами, стульями, бренчат стаканами, бутылками, кричат, кого-то вызывают.

– Bravo! Bravo!

– Шибалин, bravo!

– Никита Шибалин!

– Вот так ши-ба-нул!

– Это по-нашему, по-большевистскому!

– Товарищ, скажите, вы не знаете, Шибалин коммунист?

– Нет. Он левее коммунистов. Коммунисты стоят на месте. А он вон куда хватанул.

– Да. Можно сказать, шарпнул по всему старому миру. По самой головке.

Наконец тот, кого так усиленно вызывают, поднимается из-за своего столика, показывается публике всей фигурой, немножко польщенно, немножко смущенно улыбается.

Рукоплескания крутой волной вдруг забирают в гору, в гору... Крики усиливаются...

Какой-то остроглазый юноша вскакивает со стула и, за чем-то показывая пальцем на Шибалина, радостно взвизгивает:

– Вот он!

И сейчас же садится, раскатываясь мелким, довольным желудочным хохотом.

В то же время в другом углу зала истерический, почти кликушеский вопль женщины:

– Шибалин, спасибо вам!

Шибалин, крепко сложенный мужчина, с пристальным, чуть-чуть исподлобья, несуетливым взглядом, стоит среди битком набитого зала, кланяется аплодирующим в одну сторону, другую, третью, потом снова садится за свой столик, тонет в море других вертялвых, беспокойных голов.

Прежняя женщина, в черной бархатной тюбетейке, в длиннополом мужском пиджаке с горизонтальными плечами, Анна Новая, все время что-то записывающая в тетрадку, привстает, бледнеет, нервно кричит из своего дальнего угла:

– Пусть Шибалин выйдет на кафедру! А то многим ничего не слышать!

– На кафедру! На кафедру! – с непонятым весельем подхватывает весь зал. –

На кафедре! Ха-ха-ха!

Шибалин встает, упирается ладонями в столик, смотрит на всех, терпеливо ждет, когда смолкнут.

– Товарищи! Зачем? – в недоумении пожимает он плечами, когда зал утихает. – Зачем непременно на кафедре? Можно и отсюда! Ведь здесь не лекционный зал, а всего только наш клуб. И то, что я вам сейчас излагал, вовсе не доклад, а просто так, несколько личных моих мыслей по надоевшему всем половому вопросу.

– На ка-фед-ру!.. – тягучими голосами взывает зал, требовательно и дружно. – На ка-фед-ру!..

Шибалин зажимает уши, улыбается, машет залу рукой, что сдается, неторопливой своей поступью шагает между столиками, идет среди множества устремленных на него восторженных взглядов, направляется в самый конец зала, уверенно взбирается там по трем ступенькам на кафедру, берется сильными руками за ее крышку, точно пробует прочность.

– Если так, – обращается он ко всем уже оттуда и зоркими своими глазами посматривает с высоты трех ступеней вниз, – если так, тогда давайте выберем председателя что ли...

– Данилова! – еще не дав ему договорить, выпаливает в воздух прежний торпливый, азартный. И все собрание мужественным воем басыт:

– Да-ни-ло-ва!.. Да-ни-ло-ва!..

Пожилой человек с морщинистым лицом, с нагорбленной спиной, с выпирающими под пиджаком лопатками, с длинными пепельно-рыжими кудрями и с седоватой бородой, в больших черных очках, точно совершенно незрячий, покорно поднимается со своего места, забирает в одну руку стакан с недопитым чаем, в другую огрызок голландского сыра на ломтике хлеба, удаляется к кафедре, устраивается возле нее за от дельным столиком, перебрасывается несколькими деловыми фразами с Шибалиным, расправляет кудри, бороду, напускает на себя председательский вид, звонит чайной ложечкой по стакану, предварительно перелив чай в блюдечко, и обращается к залу:

– Товарищи! Но вот вопрос, пройдет ли у нас сегодня серьезное собрание? Ведь вы знаете, что бывают дни, когда на нас находит такое шалое настроение, род эпидемии...

– Пройдет! Пройдет! – заглушают его веселые выкрики с мест.

– Что вы, на самом-то деле?.. Что, мы не можем что ли?..

– Ну смотрите же! – еще раз предупреждает Данилов, потом предлагает: – Тогда, товарищи, вот что: одного председателя на такое собрание мало! Вопрос, поднятый вами, жгучий, трактовка Шибалина ультралиберальная, дерзкая, страсти у всех разгораятся... И я предлагаю доизбрать в президиум еще двух человек, лучше всего из нашей молодежи!

– Огонькова и Веточкина! – несутся со всех концов зала к кафедре голоса. – Веточкина и Огонькова!

Данилов знаком руки приглашает к себе двух молодых людей, фамилии которых называет собрание.

Огоньков и Веточкин, юноши-однолетки, с улыбками громадного удовольствия на круглых зардевшихся румяных лицах, рассаживаются за стол рядом с Даниловым, один справа от него, другой слева, весело перемигиваются с приятелями, сидящими в публике.

Данилов звонит ложечкой по стакану:

– Прошу внимания!.. Товарищи, согласно вашему желанию дальнейшую беседу ведем организованным путем!.. Прошу соблюдать порядок!.. Слово берет для заключительной части своего доклада беллетрист Никита Шибалин!..

По залу проносится довольный шепот. Все тянутся лица ми вперед, смотрят на кафедру.

Видно, как один запоздавший человек, с длинной цыплячьей шеей, согнувшись в колесо, со стаканом чая в руках, валко ковыляет на кривых ногах, согнутых в коленях, пробирается от двери с надписью "Буфет" к своему столику...

Слышно, как за дверью с надписью "Бильярдная" сухо цокают друг о друга плотные бильярдные шары...

II

Вдруг обе половинки двери "Буфет" с треском раскрываются настежь и в зал с грохотом вваливается, споткнувшись, как мяч, о порог, совершенно пьяный великолепно одетый молодой человек со смертельно бледным лицом и с прядями темных волос, свисающих на глаза.

И собрание в момент переводит заинтересованные взгляды с Шибалина на пьяного. Некоторые даже переставляют под собой стулья, чтобы было удобнее смотреть.

А пьяный ломается. Останавливается возле дверей, осовело и вместе вызывающе пялит глаза на зал, ухарски подбоченивается, качается на месте во все стороны, точно в сильную бурю на палубе корабля, и обличительно восклицает:

– Ого-го, сколько тут маленьких "великих людей" собралось! Со всего СССРа слетелись!.. Чего тут сидите, чего делаете?.. Все Пушкина опровергаете?.. Валийте, валийте, мать вашу так, я послушаю!..

Садится с краешка. Направляет на собрание насмешливо разинутый хмельной рот, точащий слюну.

Данилов стоит в председательской позе, не перестает звонить, не перестает кричать пьяному:

– Товарищ Солнцев! Товарищ Солнцев! Я не давал вам слова! Слово принадлежит не вам!

Солнцев с трудом поднимается, откидывает с глаз вихры волос.

– Что-о? – делает он шаг вперед, засовывает руки в карманы, заламывает назад корпус, шатается из стороны в сторону, как на слабых рессорах, пьяно шурит на председателя злые глазные щелочки. – Что-о? – силится он сделать еще шаг вперед, но вместо этого откатывается, как кресло на колесиках, на два шага назад. – А ты кто такой? Что дал ты великой русской литературе, рыжая твоя председательская борода? Я тебя что-то не знаю, да и знать не желаю!

Скандал приводит всех в движение. В зале поднимается шум. В одном месте откровенно хохочут, в другом искренно негодуют.

Все привстают из-за своих столиков, ищут глазами пьяно го, громко переговариваются по поводу происшедшего, с испуганными улыбками ожидают, что будет дальше.

– Опять нализался! – вырывается у кого-то полное горечи восклицание. – Одного дня не может вытерпеть!

Один гражданин богатырского телосложения, засучив рукава и распахнув рубашку на груди, порывается от своего сто лика вперед, другие, густой толпой

лилипотов вцепившись в него, пытаются удержать его.

– Убрать его! – с повелительным жестом кричит великан на Солнцева и скрежещет зубами, и волочит за собой по паркетному полу вместе со столами кучу слипшихся липипутов.

Данилов одиноко возвышается на своем председательском посту, устрашающе маячит на всех черными безжизненными очками, звонит и звонит.

Наконец он что-то шепчет молодым членам президиума, Огонькову и Веточкину. Те, поправляя на себе туго затянутые ременные пояса, спешат к пьяному, подхватывают его под руки, силятся выпихнуть обратно за дверь "Буфет".

Солнцев не дается, ожесточенно сопротивляется, входит во вкус борьбы, рычит, как зверь, дерется, норовит укусить то одного члена президиума, то другого.

– Врешь, не возьмешь! – шипит он при этом яростно на каждого.

Шурка, а ты здесь больно не разорься, здесь все-таки союз, а не пивная, – увещевает его Веточкин, а сам делает еще одно отчаянное усилие, багровый, задышающийся в борьбе.

– Шура, пройдем с нами в буфет, раздавим по графинчику, – кричит в то же время с другой стороны Огоньков, повисая всей своей тяжестью на другом плече пьяного.

Солнцев вдруг собирает все свои силы, швыряет Веточкина и Огонькова, как шенят, об пол, а сам с веселой рожей ставит руки в боки, пьяно приплясывает на месте, диким ревутином голосом горланит на все притихшее здание:

– Стр-ра-да-тель мой, стр-ра-дай со мной, надоело мне стр-ра-дать одной!..

Собрание по-детски добродушно смотрит на него, по-детски довольно смеется.

Огоньков и Веточкин, поднявшись с пола и отряхнув рука ми с коленок пыль, переконфуженные перед целым собранием, озлобившиеся, налетают на отплясывающего Солнцева сзади, безжалостно ломают его, комкают, поднимают высоко на воздух, выбегают с ним за дверь и через полминуты с обессиленными улыбками возвращаются обратно.

– Стр-ра-да-тель мой, стр-ра-дай со мной... – тотчас же раздается за закрытой дверью дикое, разудалое, какое-то безгранично-размашистое пение Солнцева.

Но вот пение внезапно обрывается, и из-под двери доносится клокочущее рыдание пьяного...

Собрание остро, страдальчески вслушивается. У многих бледнеют лица, плотнее замыкаются губы. У нескольких чело век нависают на ресницах слезинки.

На сухом деловом лице Данилова тоже появляются новые, теплые грустные складки.

– Какой большой поэт на наших глазах погибает! – глубокой болью звенит на весь зал одинокий голос Анны Но вой из дальнего угла. – И неужели наш союз не в силах что-нибудь для него сделать? Позор!!!

– А чем же он погибает? – даже не оборачиваясь к ней и не убирая локтей со своего стола, равнодушно отзывает ся сидящий за кружкой пива Антон Нелюдимый, мрачного вида человек с устрашающе громадными чертами лица.

– Как чем? – содрогается возмущением голос Анны Новой. – А вино?

– Что ж, что вино? – лениво рассуждает в ответ Антон Нелюдимый. – Вино,

оно помогает нашему брату творить, дает полет фантазии!

Немалых трудов стоит Данилову прекратить наконец переговоры с мест.

– Товарищи! – взывает он и звонит в стакан. – Товарищи! Будем считать, что ничего не случилось! Собрание продолжается!

И все снова обращают взоры к Шибалину.

III

Но в этот самый момент возле двери "Библиотека" раздается душу раздражающий крик. Кричит не то женщина, не то ребенок.

Собрание поворачивает в ту сторону головы, смотрит.

Крик повторяется.

Один за другим все вскакивают из-за столиков, спешат к месту происшествия, и возле двери "Библиотека" образуется большая толпа.

– Не пойду!!! – вырывается из центра плотной толпы прежний раздражающий крик, и на этот раз кажется, что крик принадлежит мальчику. – Ни за что не пойду!!! Убейте на месте – не пойду!!!

Данилов встает, тянется вверх, смотрит слепыми стеклами вдаль, звонит:

– Что там еще случилось?

Толпа полуоборачивается к нему и отвечает издали трубно хором:

– Человек в галошах!

Лицо Данилова меняется, корпус инстинктивно подается вперед:

– Как в галошах? Толпа хором:

– Так в галошах!

– Заставить снять!

– Не хочет!

– Что значит "не хочет"? Снять, да и только!

– Не дается! Может быть, вы ему скажете, товарищ председатель?

Толпа расступается на обе стороны, делится на две части и открывает встревоженному взору председателя такую кар тину: скромно одетый юноша с плавающим выражением лица силится вырваться из крепких держащих рук двух служителей, старого и молодого.

Юноша умоляюще:

– Пустите меня!

Старый служитель:

– Снимите галоши, сдайте их нам под номерок, тогда пустим.

Председатель твердо:

– Антон Тихий, что за безобразие, почему вы не снимаете галош?

– А если они у меня на босу ногу! – с раздражением кричит Антон Тихий и вскидывает в сторону председателя одну ногу, босую, обмотанную тряпками, в галоше.

Молодой служитель к председателю:

– Они через то и одевают галоши на босу ногу, чтобы за хранение не платить!

Старый:

– Хитрость своего рода!

Молодой:

– Мы их давно заметили, да все не удавалось словить: как пойдут чесать по коридорам да по лестницам!

Старый:

– Тут еще есть несколько душ таких, которые проскочили в галошах...
Смотрит всем на ноги. В толпе кое-где заметное движение: несколько человек прячут от служителей ноги. Председатель к служителям:

– Товарищи, не держите его, отпустите, он сам сейчас пройдет в раздевальную и оставит там галоши.

Антон Тихий, нервно перекосив лицо:

– Вам говорят, что они у меня на босу ногу! Председатель:

– А вам говорят, что сидеть в зале в галошах нельзя!

– Почему?

– Потому что нельзя!

– Объясните – почему?

– Неужели вы этого не понимаете?

– А вы думаете – вы понимаете? Тогда объясните мне почему?

– Не время и не место заниматься здесь такими объяснениями.

– Ага, значит, вы сами не понимаете почему! Вдолбили себе в голову, шаблонные вы люди!

Антон Тихий, как председатель собрания я спрашиваю вас: вы уйдете из зала или нет?

– Конечно, нет.

Кто-то нетерпеливо визжит из середины зала:

– Милицию! Позвать милицию и больше ничего! Тут такое собрание, такой, можно сказать, животрепещущий вопрос разбирается, а тут приходят и хулиганят!

Данилов шепчется с Огоньковым и Веточкиным.

– Товарищи! – встает он и звонит. – Объявляю пятиминутный перерыв! Президиум удаляется на совещание решить вопрос, как поступить с товарищем в галошах!

Данилов, Веточкин, Огоньков с опущенными, серьезными лицами гуськом уходят в смежную комнату.

Собрание набрасывается на Антона Тихого. В зале поднимается невероятный гам. Все кричат сразу, громче и громче:

– Антон Тихий, время военного коммунизма прошло, снимите галоши!

– Антошка, брось свои анархические замашки! Не расстраивай зря собрание!

– Товарищ Тихий, ну что такое вы делаете? К чему вся эта комедия? Замотали ноги тряпками, всунули их в галоши...

– Я знаю, что я делаю! – отбивается Антон Тихий то от одного, то от другого. – Мне это уже надоело! Куда ни придешь, везде прежде всего смотрят тебе на ноги! И всюду норовят сорвать с тебя 20 коп. галошного налога! Галоши того не стоят, сколько мы переплачиваем за их "хранение"! Не "храните", черт с вами! Не надо! И раз никто против этого не борется, я решил сам начать с этим решительную борьбу! Я сегодня был в восьми учреждениях, и из-за галош за мной сегодня восемь президиумов по лестницам гнались, так что эти ваши будут девятые! Болтаем языком о пролетарской культуре, а на практике заводим буржуазные порядки!

– Товарищ Антон Тихий, – сейчас же выступают ему возражать. – Еще бы ты чего захотел! Ввалился в зал собрания в галошах! Здесь все-таки не Сухаревка, а союз!

В дверях появляется президиум, и разговоры в зале прекращаются.

Лицо Данилова сосредоточенно, сурово.

– Разрешите огласить решение президиума!

Смотрит в бумажку, торжественно читает:

– Несмотря на то что настоящее собрание вместе со всем СССРом высоко ценит талантливые стихотворения Антона Тихого на производственные темы, про электрификацию, канализацию... тем не менее президиум никак не может ему позволить нарушать принятый в общественных местах порядок. А посему президиум постановляет...

Тут зал удерживает дыхание, Данилов несколько повышает голос:

– ...предложить поэту Антону Тихому либо немедленно ставить в раздевальной галоши, либо удалиться из зала. В случае же неисполнения Антоном Тихим ни того ни другого, войти в правление союза с ходатайством об исключении его из союза на один месяц.

Антон Тихий с бешеной дергающейся жестикуляцией:

– Из такого собрания и такого союза я сам уйду! Будете просить, и то не останусь! Я и в Москву-то вашу напрасно приезжал! Ехал, думал: вот наберусь там у них этого самого, московского, пролетарского! А они?! У нас в несчастном Камышине и то куда революционнее!

Уходит широкими шагами, размахивает расходившимися руками, в дверях останавливается, оборачивается, со страшным лицом грозит собранию кулаком:

– Ста-ро-ре-жим-ни-ки!!!

С треском захлопывает за собой дверь.

В зале за столиками неопределенное молчание. Кто-то, спрятавшись за чужую спину, хохочет.

Выверяются по адресу ушедшего несколько негромких замечаний.

– Чудак!

– Что-то из себя строит!

– Просто ненормальный!

Шибалин, сидевший это время внизу, на стуле, поднимается на одну ступеньку на кафедру и среди тишины спрашивает у всех:

– Ввиду обилия сегодня всяких инцидентов, может быть, отложим мое выступление до другого раза?

Собрание точно вдруг просыпается от долгого тяжелого сна. Машет руками, головами:

– Нет, нет! Что вы, что вы! Ни за что! Ваша тема так интересна! Начинайте сейчас! Просим! Просим!

И потом все собрание протяжно дудит, как в басовые трубы:

– Про-сим! Про-сим!

Встает на своем председательском месте Данилов.

– То-ва-ри-щи!!! Ти-хо!!! Зап-ри-те там две-ри!!! Будем считать, что ничего не случилось!!! Никита Акимыч, ваше слово...

Садится.

IV

Могуче и трагически режет каждое слово Шибалин и тяжелыми жестами руки сечет перед собой воздух, точно ставит в своей чеканной речи невидимые знаки препинания.

– Итак, товарищи, принимая во внимание все сказанное мною тут перед вами сегодня, я с полным правом и со всей энергией утверждаю: р-революции не было!!!

Последние три слова он выкрикивает и делает рукой и всем корпусом бросающие движения вверх. Потом некоторое время стоит, молчит и с мрачно-торжествующей миной глядит вверх, как бы любуется, высоко ли забросил.

Аудитория сидит, ловит каждое слово оратора, следит за каждым движением его приковывающего лица, не шевелится, не дышит.

– Р-революции не было, потому что человек как личность остается по-прежнему ужасающе одинок, кошмарно одинок, точно окруженный беззвучной ледяной пустыней!.. Р-революции не было, потому что человек – и мужчина и женщина – по-прежнему с беспредельной тоской в глазах стоит перед неразрешенной проблемой пола!.. Р-революции не было, потому что человек как таковой по-прежнему таскает на своем горбу весь тяжкий груз полученных им по наследству тысячелетних предрассудков, разоблачению самого страшного из которых, собственно, и была посвящена моя сегодняшняя импровизированная лекция! Речь идет, как вы уже знаете, об укоренившемся среди нас чудовищном обычае подразделять людей на наших "знакомых" и "не знакомых"!.. И в то время, как со "знакомыми", с этой микроскопической горсточкой людей, нам разрешается всяческое общение, вплоть до любви и брака, – с "незнакомыми", то есть со всем остальным населением земного шара, мы не имеем права даже заговаривать при встречах на улице, потому что, видите ли, это "не-при-лич-но"!!!!

По залу, по группам сидящих за столиками прокатывается завывающий гул общего удивления:

– У-у-у... У-у-у...

Только один юнец, сутулый, с разочарованным лицом, кричит со своего места:

– Старо! Нельзя ли чего-нибудь поновей!

Остальные дружно шипят на него:

– Цшш... Цшш...

Данилов привстает, сверлит их черными очками. Шибалин хмурится, наливаясь еще большей упрямой волевой силой, продолжает:

– И, благодаря подобной вопиющей дичи, товарищи, каждый из нас – будь то мужчина или женщина – до сего дня обречен выбирать себе пару из мизерно узкого круга своих личных "знакомых", минуя всех остальных...

Шибалин делает дурацкую гримасу и насмешливо-кривляющимся голосом раздельно цедит одними губами:

– Бери не ту, которая тебе больше всего на свете подходит, не далекую, не идеальную, а ту, которая имеется у тебя под рукой!!!!

Опять по залу из конца в конец прокатывается массовый вой удивления и солидарности с мыслью оратора. Кто-то догадливо кричит из-за своего столика:

– Надо выбирать себе такую, чтобы от нее не тянуло к другим!

Данилов пугает его темными очками. Он прячется.

И снова энергичная речь Шибалина.

В дальнейшем Шибалин говорит, что благодаря указанному им предрассудку каждая брачная связь двух человек на земле до сих пор оказывается недоразумением, ошибкой, за которую в течение всей своей жизни расплачиваются обе стороны – и мужчина, и женщина...